

## ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВА В ИЕРАРХИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С. В. Заруцкая

## THE POSITION OF LAW IN THE HIERARCHY OF SOCIAL VALUES

S. V. Zarutskaya

Статья посвящена изучению вопроса относительности ценности права для развития личности и общества на основе статьи Б. А. Кистяковского «В защиту права» в сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи». Главным результатом исследования является вывод о том, что вопрос обеспечения права относится не столько к внешним институтам и факторам, а является внутренней основой, этической нормой, наряду с высшими нравственными ценностями.

The paper examines the issue of the relative value of the law for the development of the individual and of the society, basing of B. A. Kistyakovskiy's article «In defense of the law» in «Vekhi» - a collection of articles on the Russian intelligentsia. The main result of the study is that the issue of law does not belong much to external institutions and factors, but it is rather an internal ethical basis, along with the highest moral values.

**Ключевые слова:** правосознание, общество, нравственные ценности, личность, первенство духовной жизни.

**Keywords:** sense of justice, society, moral values, personality, primacy of spiritual life.

Известно, что основным тезисом сборника статей об интеллигенции «Вехи» является «признание теоретического и практического первенства духовной жизни общежития над внешними формами общежития в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» [1, с. 4], то есть сосредоточение на внутреннем, личностном развитии. Соответствует ли идеи Б. А. Кистяковского, подчеркивающего значение внешних форм и юридической организации общественной жизни, общей тенденции сборника «Вехи». Не случайно П. Н. Милоков резко критиковал «Вехи» в статье 1910 г. «Интеллигенция и историческая традиция». В многочисленных речах он сравнивал их точки зрения с анархизмом и правовым нигилизмом славянофилов и Толстого. Он упрекал их в пренебрежении политическими институтами и государственными реформами как раз в такой трудной ситуации, когда эти институты и реформы особенно нуждаются в поддержке. Только статью Кистяковского Милоков считает исключением, особо выделяя ее за защиту права и внешних форм жизни, и устанавливает тематическую связь этой статьи со всем сборником следующим образом: «В числе статей «Вех» есть одна, с которой можно вполне согласиться, за исключением ее терминологии, а также тех вступительных и заключительных фраз, которыми она, довольно искусственно, пришта к всему сборнику. Но как раз эта статья включает в себе (конечно, помимо воли ее автора) самую злую критику основной идеи «Вех» о «первенстве духовной жизни над внешними формами общежития» [7].

Рассмотрим, насколько эта точка зрения имеет место быть. В статье Кистяковского содержится если не полемика, то, по крайней мере, некоторое косвенное противоречие позиции остальных веховцев. Так, Кистяковский указывает на обстоятельство, которым пренебрегли другие авторы: призывая к сосредоточению на духовной жизни, они забывают о том, что и

для этого нужны определенные внешние условия. Если, например, философия, освобожденная от политики, должна искать истину (а не только заниматься правдой), то нужно, по меньшей мере, обладать возможностью свободной дискуссии, а это значит, иметь гарантированную свободу мнения, совести, собраний или преподавания в университетах. Аргументация Кистяковского, что право обеспечивает условия, при которых только и возможно свободное стремление к высшим духовным ценностям, должны были бы заставить задуматься его соавторов о возможности реализации своих требований.

Вопрос заключается в том, какую роль играет право в становлении правосознания, какое место в иерархии общественных ценностей оно занимает. Как возможно улучшение и укрепление правосознания в России. С чего следует начать? С развития индивидуального правосознания каждого, основанного на осознании ценности права, или реформе институтов, внешних форм? Необходимо ли вначале провести общее укрепление правосознания, чтобы на этой основе правовое государство, действующие суды и другие юридические институты могли бы развиваться? Или прежде необходимо построить действенные правовые структуры и только после этого через соответствующий опыт развивать правосознание русского народа? Какова этимология права: внутренняя ответственность или внешние формы жизни?

С позиции Кистяковского недопустимо проводить поспешный, зачастую односторонний анализ права, так как это феномен сложный, и такие теории, как естественное право, правовой позитивизм или психологическая теория права, не учитывают всю разносторонность предмета. Кистяковский сравнивает анализ права с анализом воды в естественных науках [2]. Он поясняет, что не существует одного общего «естественно-научного» понятия воды, потому что каждая естественная наука (будь то химия, физика или биология) имеет свое специфическое понятие в соответствии со своими интересами. Все эти понятия не противоречат друг другу и все одинаково объективны, они просто относятся к разным качествам воды. Точно так

же, по мнению Кистяковского, должна выглядеть и наука о праве. Разные отрасли гуманитарных наук должны заниматься правом и, таким образом, формулировать разные понятия (например, психологическое, философское, социологическое).

В начале «веховской» статьи он говорит о том, что значение права относительно, и поэтому может показаться, что оно занимает слабую, несовершенную позицию по сравнению с высокими духовными ценностями. Но условием возможности осуществления этих ценностей является именно право, обеспечивающее свободу личности. Здесь Кистяковский выделяет понятие «личности» и говорит о взаимодействии личности и общества. Личности необходима возможность свободного действия. В отличие от других русских мыслителей, которые предпочитают внутреннюю свободу и пренебрегают внешней, Кистяковский подчеркивает, что внешняя свобода обуславливает внутреннюю. А внешняя свобода в первую очередь означает право, так как только в общественном порядке, который обеспечен правом, личность может быть свободной и действовать свободно. Только в этом случае она защищена как их людей, так и от государства. Из всего этого следует, что право – требование, которое вытекает из понятия личности. Кроме того, Кистяковский показывает, что право – условие возможности общества. Наряду с такими ценностями общества как духовная культура, научная истина, нравственное совершенство, религиозная святость, не менее важным является право. Право придает общественной жизни определенную форму и отличается от научной истины и нравственного совершенства тем, что оно представляет собой систему социальных, а не индивидуальных норм и, таким образом, является «единственной социально дисциплинирующей системой» [3, с. 122].

К сожалению, русское общество с этой позиции у нас не было дисциплинировано ни индивидуально, ни социально. Что касается причин, то с одной стороны Кистяковский говорит, что такое отношение к праву у нас является следствием. «Притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом застарелого зла – отсутствия, какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа» [4, с. 126]. В XIX – начале XX века были течения отрицавшие ценность права, как насилие сильных над слабыми. Эти идеи принадлежат кругу людей сороковых годов, и главным образом славянофилам. По поводу этого Герцен еще в начале пятидесятых годов прошлого века писал: «правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы он звания ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство». Константин Аксаков утверждал, что в то время, как «западное человечество» двинулось «путем внешней правды, путем государства», русский

народ пошел путем «внутренней правды». К. Н. Леонтьев чуть не прославлял русского человека за то, что ему чужда «вексельная честность» западно-европейского буржуа». Одним из главных противников права был Л. Н. Толстой, который осудил все формы права (уголовное, гражданское, государственное, международное) как чистое насилие и считал право чем-то наносным, неприемлемым для русского человека, чем-то чуждым. «Правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое им самим себе, заставлять людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им – властвующим, выгодно, для подвластных же правом называется разрешение делать все то, что им не запрещено. Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают. Право гражданское есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землей и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным. То же самое и по международному праву: это право Польши, Индии, Боснии и Герцеговины жить независимо от чужих властей, но только до тех пор, пока люди, распоряжающиеся большими количествами войска, не решат иначе» [8]. Также и марксисты нивелировали значение права и усматривали в нем способ подчинения одного класса другим. Кистяковский называет злом, такое закоренелое отношение русских к праву в целом, так как оно «отсутствовало в повседневной жизни русского народа, тем самым разлагало и разрушало его» [4, с. 127].

С другой стороны Кистяковский говорит и о личной ответственности перед такой ситуацией и возможности влиять и изменять сложившуюся веками традицию. Так, он пишет в примечании ко 2-му изданию: «Многие считают, что несправедливо обвинять нашу интеллигенцию в слабости правосознания, так как в этом виновата не она, а внешние условия – то бесправие, которое господствует у нас в жизни. Отрицать влияние этих условий невозможно, и оно отмечено в моей статье. Но нельзя их винить во всем (...). Если мы осознали это зло, то с ним нельзя больше мириться, наша совесть не может быть спокойной, и мы должны в самих себе бороться с развращающим нас началом. (...) Мы должны теперь напрячь все силы своей мысли, своего чувства и своей воли, чтобы освободить свое сознание от пагубного влияния неблагоприятных условий. Вот почему задача времени в том, чтобы пробуждать правосознание русской ин-

теллигенции и вызывать его к жизни и деятельности» [4, с. 149]. «Русская интеллигенция должна признать свою нравственную ответственность и вину за тот правопорядок, который господствует у нас. (...) И теперь прежде чем реформировать внешние условия для осуществления истинного правопорядка, интеллигенция должна изменить свое отношение к вопросам права, подвергнув коренному пересмотру все свое мировоззрение с точки зрения высших внутренних, а не внешних идеалов» [5, с. 682].

Кистяковский говорит о том, что правовые системы и базовые понятия права, которые применялись за рубежом, в особенности в Англии и Германии, являются внешними формами, и их мало только заимствовать. Идеи должны ассимилировать, по мнению Кистяковского, их надо принять душой «в известный момент жизни быть всецело охваченными ими». Поэтому такая работа не может оставаться только внешним атрибутом. Она есть внутреннее проживание, переживание, «она возбуждает волю к активности, к действию». К сожалению, у русской интеллигенции правовые формы остаются лишь внешними, становясь пустой формальностью. Об этом Кистяковский пишет следующее: «между тем правосознание русской интеллигенции никогда не было охвачено всецело идеями прав личности и правового государства, и они не пережиты вполне нашей интеллигенцией». А пустой формализм создает бюрократию. И, по его мнению, этот недостаток ясно виден при анализе партийных организаций в России, потому что руководителями и членами политических партий организация понимается исключительно как формальные правила и подробная регламентация в статьях и параграфах. Но именно это и есть проявление низкого уровня правосознания, когда право понимается только как параграфы, а не как правовое убеждение или сознание своих прав и обязанностей в обществе. Кистяковский делает даже заключение о том, что интеллигенция полностью проникнута бюрократизмом, хотя обычно русская бюрократия понимается как один из главных врагов интеллигенции. Право – не в смысле параграфов, но как правосознание – необходимо потому, что лишь оно может дать гражданскому обществу определенную форму, в рамках которой только и возможно использование свобод. Только с тем условием, что правовые нормы, равно как и этические живут в нашем сознании, составляют часть нашего я, только при таком условии они будут применимы в жизни и найдут внешнее отображение в статьях закона.

Таким образом, видимое противоречие вопрос о первенстве развития структур или сознания, снимается, так как право одновременно направлено внутрь на самого человека, дисциплинируя и воспитывая его волю, нравственность, ответственность и на внешнюю его сторону, извне, где личность гарантированно получает возможность быть. Важна и одна сторона и другая. Поэтому Кистяковский и призывает интеллигенцию к воспитанию нового правосознания, к пониманию того, что право это необходимое явление в гражданском обществе, так как затрагиваются самые насущные вопросы.

К сожалению, русское общество не усматривало в идеале правовой личности какой бы то ни было цен-

ности. До тех пор история знала идеалы личности «мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религиозной и революционной личности. Были и противоположные течения, стремившиеся потопить личность в общественных интересах, объявлявшие личность «*quantite negligeable*» и отстаивавшие соборную личность. Наконец, в последнее время нищезанятость, штирнерианство и анархизм выдвинули новые лозунги самодовлеющей личности, эгоистической личности и сверхличности». Однако никогда еще правовая личность не была поставлена на пьедестал должного отношения и уважения.

И это является большим пробелом в нашем общественном сознании. Духовные вожди революционной интеллигенции, такие как К. Д. Кавелин, Н. К. Михайловский, игнорировали правовые интересы личности, или выказывали к ним прямую враждебность. Так Г. В. Плеханов, выступил на съезде с проповедью отнесенности всех демократических принципов, равносильной отрицанию твердого и устойчивого правового порядка и самого конституционного государства. По его мнению, каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex*. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции – высший закон.

К новому пониманию можно приблизиться, по мнению Кистяковского, если интеллигенция примет во внимание новые научные данные. Таким образом, она сможет – вопреки отсутствию правопорядка – развивать научно обоснованное понимание значения права. Разумеется, Кистяковский рассматривает и свои труды, свое участие в вышеупомянутых дискуссиях в журналах как вклад в такое новое понимание.

«Раз интеллигенция сделала этот шаг, она должна провести в жизнь новое знание. В этом отношении интеллигенция играет традиционную роль примера и просветителя. И юристы в особенности должны стараться строить действенную, стабильную и справедливую правовую систему» [6]. Здесь важно то, что Кистяковский говорит в первой цитате: без правопорядка в повседневной жизни у народа не будет признания права. Для большей части населения решающий элемент для укрепления правосознания – не научно доказанное значение права, но положительный опыт в повседневной жизни.

Исходя из этого можно объяснить и «принадлежность» Кистяковского к «Вехам». В своем призыве к интеллигенции он требует изменения сознания еще до реализации соответствующих внешних форм. Но после этого интеллигенция должна обеспечить народу условия, при которых только и может развиваться правосознание. Теперь интеллигенция должна уйти в свой внутренний мир, вникнуть в него для того, чтобы освежить и оздоровить его. В процессе этой внутренней работы должно пробудиться неистинное правосознание русской интеллигенции.

И только если есть такая гарантированная правом свобода, можно стремиться к осуществлению таких

абсолютных ценностей, как научная истина, нравственное совершенство или религиозная святость. Именно потому, что право обуславливает организацию общества и гарантирует свободу в рамках этого общества, в нем и в юридических формах обществен-

ной жизни не может быть ничего относительного или второстепенного. Напротив, право – абсолютно и центрально, оно не может быть заменено никакими другими ценностями или нормами.

### Литература

1. Гершензон, М. О. Предисловие к 1-му изданию / М. О. Гершензон // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с.
2. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский // Философия и социология права. – СПб., 1998.
3. Кистяковский, Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) / Б. А. Кистяковский // Вестник МГУ. – 1990. – № 3. – (Серия 7: Философия).
4. Кистяковский, Б. А. В защиту права / Б. А. Кистяковский // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 240 с.
5. Кистяковский, Б. А. Письмо Гершензону от 14/27 июня 1909 г. / Б. А. Кистяковский // Философия и социология права. – СПб., 1998.
6. Кистяковский, Б. А. Наши задачи / Б. А. Кистяковский // Юридический Вестник. – 1913. – № 1. – С. 3 – 17.
7. Милуков, П. Н. Интеллигенция и историческая традиция / П. Н. Милуков // Интеллигенция в России: сб. статей. – СПб., 1910. – С. 89 – 191. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-171550.html>
8. Толстой, Л. Н. Письмо студенту о праве / Л. Н. Толстой // Толстовский Листок. – М.: Пресс-Соло, 1994. – Вып. 5. – Режим доступа: [http://az.lib.ru/t/tolstoj\\_lew\\_nikolaewich/text\\_0840.shtml](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0840.shtml)

### Информация об авторе:

*Заруцкая Светлана Валериевна* – соискатель кафедры философии КемГУ, 8-961-716-09-99, intellect-center@rambler.ru.

*Svetlana V. Zarutskaya* – post-graduate student at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.